

В.Н. Тамба, В.А. Кисель

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ ТУВИНЦЕВ

В 2012 г. руководитель Тувинской археолого-этнографической экспедиции МАЭ РАН В.А. Кисель получил в дар от В.Н. Тамба 11 бумажных листов с текстами тувинских сказок, исторических новелл и быличек. В.Н. Тамба, тувинский археолог-полевик, знаток истории Тувы, сделал эти записи на основании рассказов отца — Н.В. Тамба.

Николай Васильевич Тамба (1926–2001) родился в п. Зубовка Каа-Хемского района Тувинской Народной Республики (ныне — п. Бурен-Хем Каа-Хемского кожууна Республики Тыва) и происходил из рода *пожен-соян*. Николай Васильевич обладал богатым жизненным опытом и широким кругозором. В детстве он самостоятельно научился читать и писать, а в 14 лет начал трудовую деятельность, причем сразу занял довольно высокую должность — продавец в сельском магазине. Затем Н.В. Тамба много ездил по Туве, работал фотографом, строителем, столяром, экономистом, несколько лет провел в заключении. Остается только сожалеть, что этот интересный человек не оставил мемуаров и из его воспоминаний до нас дошло лишь несколько страниц.

Публикация рассказов Н.В. Тамба позволит пополнить собрание тувинского фольклора и даже откорректировать трактовку некоторых исторических событий.

Стилистика и пунктуация оригинала сохранены. В.А. Киселем сделаны только незначительные дополнения в текстах (в квадратные скобки заключены пропущенные слова, в косые скобки — правки и пояснения), а также составлены примечания.

МОГЕ /МӨГЕ/ КАЛГЫЫРАК¹

Жил-был в давние времена один человек, обитал в чуме, был одинок, но, кажется, был вполне доволен своей жизнью, тем более что она была столь богата разными эпизодами, всяческими приключениями, которые выпадают

---

¹ Несколько лет назад записи рассказов о Мөге Калгыыраке В.Н. Тамба передал журналистке И. Черкасовой-Тонгак. После ее литературной обработки сказания вошли в газетную статью, посвященную редкой фотографии, сделанной Н.В. Тамба. На фотографии представлена неофициальная встреча С.К. Тока, многолетнего руководителя Тувы в советское время, с секретарем Монгольской народно-революционной партии Баян-Ульгийского аймака [Черкасова-Тонгак 2004].

не каждому в жизни и о чем рассказывали [люди], передавая из юрты в юрту, коротая вечернее время после полных забот трудового дня кочевого быта.

В каком именно кожууне /районе/ жил данный персонаж, уроженец какой местности, какого рода-племени, сказать трудно, да и не важно, главное то, что выпало на его долю, хранится в памяти народной, в пересказах, и я расскажу так, как слышал от отца. За полную достоверность не могу ручаться, так как прошло много времени.

Мөге К[алгыырак]², по преданиям, был человек могучий, большой физической силы, о чем свидетельствует один не совсем хороший случай, когда он в целях пропитания украл быка и погнал его к себе в чум (*чадыр*), надев на копыта старые *идик* (обувь), чтобы не оставлять следов на снегу, и вот, когда на пути оказался заледенелый склон горы, и бык, скользя, не смог подняться, он взвалил его на себя и донес на плечах до своего пристанища³.

Хозяин быка, узнав о пропаже, пошел по следам быка и был весьма удивлен, когда следы животного и вора-кайгала перешли в следы трех человек, идущих гуськом, а потом и вовсе одного, но глубоко ступающего. После небольшого раздумья, выкурив трубочку-*данза*, [он] пришел к выводу, что на такое хитроумство способен только один человек, живущий поблизости, а именно, Мөге Калгыырак, и тот был пойман с поличным. В итоге за все свои проделки, за то, что был не в ладах с законом, его судили и в целях определения наказания отправляли в Улясутай (Монголия) с караванами под конвоем, но до пункта назначения он никогда не доходил, всегда был освобожден в пути.

Итак. Шыянам /*шыяан-ам* чаще переводится «так вот»/...

Случай 1. ПОЕДИНОК

На юго-востоке Тувы находится горно-таежный хребет с богатыми пастбищами, с холодной чистой водой, тайгой, богатой зверем и дичью, Хаан-Когей или Когей-Сыны. Там, по преданию, жили и кочевали тувинцы из рода Соян, но впоследствии в силу политических и иных причин лишились родовых мест, и иногда их зовут «*чурту чок Сояннар*» — «Сояны без родины».

---

² Имя Мөге Калгыырак, скорее всего, является прозвищем. С тувинского языка оно переводится как «Плетущийся силач».

³ Сказание о похищении быка близко по сюжету одному из преданий о Мөге-Куваанды в самозаписи А.Ч. Дыртык-оола. Согласно преданию, бедняк Мөге-Куваанды, проживавший в междуречье Элегеса и Межегея в Тандинском кожууне, зимой украл у соседей корову и перенес ее на плечах через замерзший Енисей. Преследователям удалось восстановить картину похищения по борозде на торосе, оставленной задними копытами коровы [Мифы... 2010: 183].

Хребет являлся пограничным между Тувой и Монголией и был удобным для проживания и содержания скота территориями, что способствовало кочевому образу жизни народов с обеих сторон, было объектом спора из-за обладания данным местом, и доходило до кровопролития.

И тогда тувинские и монгольские нойоны, собравшись вместе, после долгих споров пришли к единому мнению: решать все мирно, а для этого раз в несколько лет выставлять борцов, и чей борец победит, значит, той стороне и владеть этим местом до следующего поединка по истечении срока.

И именно в этот день разрешения спора прибыл караван с Мого Калгыраком под стражей по пути в Монголию для приведения приговора над ним, по старому выражению, «снять голову с воротником, а кисти рук с рукавами».

В силу каких-то обстоятельств с тувинской стороны не было борца, и местные нойоны были в затруднении, так как монголы на этот раз выставили чересчур могучего зверовидного борца и были несказанно рады, узнав, что в составе каравана находится человек, способный противостоять этому монголу.

Перед Калгыраком поставили выбор: победа — значит, свобода, ну а если поражение, то голова с плеч. Делать нечего, на кон поставлена жизнь, и он согласился.

И вот настало время поединка, под хвалебные крики секундантов вышел борец-монгол, и действительно, не то чтобы с ним бороться, а смотреть [на него] было страшно, до чего он был огромен, что в высоту, что в ширину, и начал исполнять ритуальный танец орла.

Мого Калгырак, оценив на взгляд мощь монгола, сразу обратил внимание на раздутые голенища *идиков* (обуви) и понял, что тот обложил ноги плитками чая, по древнему обычаю, «ломать ноги», то есть приемами подсечки выводить из строя противника, нанося увечья до перелома костей ног.

Он также понял, что монгол настроен на жесткую борьбу, нечестную, без компромиссов, и надежды на мирный исход нет, и разъярился, но все-таки решил дать шанс противнику, не доводя борьбу до членовредительства, и, когда они схватились, прошептал ему на ухо, мол, сдавайся, не доводи до греха, а то сломаю. В ответ на это монгол провел подсекающий удар ногой в надежде покончить с противником разом, но Мого К[алгырак], извернувшись, жжал в своих богатырских объятьях монгола, провел скручивающий ногу противника прием, бросил, сломав бедренную кость, со словами: «Я же предлагал похорошему решить дело, по-мирному».

Радости тувинских правителей не было предела, и на радостях в придачу к свободе решили наградить борца по древнему обычаю и, предложив ему сесть на колени, начали обкладывать по кругу товаром, подарками вверх выше плеч, следуя народной поговорке — «Выше плеч имуществом, сверх головы товаром».

И в итоге благодетельствованный, вознагражденный и свободный Мөге Калгыырак поехал обратно, в свой аал /селение/ навстречу новым похождениям.

Случай 2. СПАСЕНИЕ НОЙОНА /КНЯЗЯ/

В очередной раз за свои проделки Мөге был пойман, и опять же в составе каравана двинулся в сторону Улясутая (Монголия). Путь дальний, неторопливый, со скоростью идущего барана — дорожной еды путников.

Во время стоянок, ночевок осужденного Мөге, накормив, привязывали арканом из сыромятной кожи к дереву в пределах Тувы, а в степях Монголии — к кустам караганника.

И вот после одной из ночевок караван начал собираться в путь, вьючились лошади и верблюды, увязывался весь скарб (ведь нойоны ездили с комфортом): обычная суета и толчая караванная.

Главный из нойонов, отдав приказ двигаться, вставил ногу в стремя, вскинул тело на седло, и в этот момент случилось несчастье: конь, неизвестно чего испугавшись, взвился на дыбы и понес нойона с застрявшей ступней в стремени, все вокруг оцепенели, гибель седока была неизбежна.

Молниеносно среагировал на это происшествие Мөге Калгыырак, рванувшись во всю свою богатырскую мощь, вырвал куст караганника и, разорвав аркан, опутывающий руки, бросился на помощь нойону⁴. В несколько мгновений догнав коня, железной хваткой схватив за узду, усмирил коня и освободил застрявшего в стремени правителя.

И тогда нойон, успокоившись, придя в себя, гневно взглянув в сторону своей свиты, сказал борцу: «Никто, даже те, кто по долгу службы [должны], мои телохранители, не пришел на помощь. Я уже попрощался с белым светом. Если бы не ты, улетела бы моя душа в подземное царство Эрлик-Хаана, благодарю тебя, даю тебе коня, припасов на дорогу, новый халат и все, что к нему прилагается, ступай с миром домой».

Вот так благодаря своей силе, реакции он второй раз избежал встречи с палачом на далекой монгольской чужбине.

---

⁴ Эпизод с вырванным караганником и разорванным арканом находит параллель в описании приключений Мөге-Эникея в самозаписи С.Ч. Самбуу. Бедняк Мөге-Эникей жил на р. Хемчик, когда настало время пахоты, он обратился к богатому чиновнику с просьбой одолжить вола. Но чиновник отказал. Тогда Мөге-Эникей таким своеобразным способом продемонстрировал свою силу, в результате чего добился желаемого [Мифы... 2010: 187]. По всей видимости, в устном творчестве тувинцев вырванный караганник и разорванный аркан являлись устойчивой формулой, указывающей на невероятные физические данные персонажа.

Случай 3. СЛОНЕНОК⁵

Ну а этот эпизод совсем короткий, и связан он с рождением слоненка в Пекинском зоопарке. В честь такого радостного события (оказывается, слоны редко рождаются в неволе) была объявлена амнистия, во все пределы империи отправлены гонцы с радостным известием, на каждом уртеле /ямская станция/ зачитывали указ, и с одним из тех вестников встретился караван с Калгыыраком, и снова ему предстояла дорога домой, в родные края.

Вот такие слышал я рассказы от своего отца, а он — от деда. Что жил такой человек — это точно, а его приключения в народной молве собраны, может, все это было с разными людьми, кто знает... давно было, я думаю, что слышал [только] часть рассказов об этом герое, но это уже другие истории будут из других пересказов.

/БАЙ-БУЖУЛУК/

...Жил-был в Салчакском кожууне (Каа-Хемский район) в Бурен-Хеме один богатый человек. Бай-Бужулук его звали. Владел несметными табунами лошадей, которые вольно паслись на долине Бурен-Хема, [по] Хатгыгбаю и Баядаю. И столько у него было табунов, что счету он не знал. И люди пользовались ими с разрешения хозяина: ловили и ездили на них, доили кобылиц и делали пенистый напиток — кумыс.

Был этот бай казахского рода, как они [казахи] туда попали, черт их знает, во всяком случае, так люди говорят.

Время от времени он хотел узнать, какое его состояние, сколь много у него лошадей, и для этих целей применял своеобразный способ счета. Он отдавал приказ своим табунщикам сгонять табуны в определенный день в долину Каа-Хема. Есть там, в районе села Бурен-Хем (Зубовка), место шириной 250–300 м между скалами Кускуннуга (Обитель Ворона) и обрывистым яром реки Каа-Хем. И когда эти табуны, сбившись в огромную массу, с громовым топотом копыт пронеслись через это естественное сужение и вытесняли в реку часть табуна, то это считалось хорошим признаком, значит, все нормально, все хорошо, хвала и благодарение небесам, приплод был хороший, количество голов соответствует [желаемому]. Ну а если табуны проскакивали прижим, не сбросив часть коней в реку, то это был плохой знак, значит, был падеж, волки попиروвали, вороны растащили кости, значит, табуны поредели.

---

⁵ Рассказ «Слоненок» в расширенном варианте информанта О.И. Мунзука под названием «Спасение от смертной казни» вошел в книгу М.Б. Кенин-Лопсана «Мифы тувинских шаманов». Там главным персонажем является Монгуш Узун-Белек, проживавший в устье Шеми в Дзун-Хемчикском кожууне [Кенин-Лопсан 2002: 173–174].

К чему этот сказ? В один из таких подсчетов табуна Бай-Бужулук неосторожно выехал на путь лавины коней, верный и резвый конь под ним мог его еще спасти, но попал копытом в сусличью нору, сбился с галопа, и они были растоптаны обезумевшей массой лошадей. И потом люди вырыли большую яму на месте их гибели, с соблюдением всех обрядов положили тело, похоронив вместе с ним десять каурых лошадей. Наземное сооружение (курган) сложили [на]половину из скальных обломков, а вторую половину — из речных валунов.

Все это происходило, по рассказу отца, в конце XIX в.

/ДАРГАН-ХАА/

...В верховьях реки Малая Копту есть местность, называемая Дарган-Хаа, тайга, труднопроходимые дебри, в общем, глушь. По преданию, там во время противостояния халха и ойрат-монголов скрывался сотник со своими воинами. В отряде [он] держал жесточайшую дисциплину, был ханом и богом для своих воинов, распоряжался их жизнью и смертью. Для обеспечения собственной безопасности держал [все] оружие в своей палатке, а для добывания пищи на охоте позволял стрелять дичь только с помощью стрел с деревянным наконечником. Требовал, чтобы каждый день добывали для него глухаря для приготовления из него колбасы. Воины выбились из сил в поисках птицы, так как в окрестной тайге вся она была выбита.

Воины тосковали по родным кочевьям, степям, ведь им — жителям пустынных равнин — была чужда тайга, [они] робели в горах, им так хотелось домой, в свои бескрайние просторы родины, тем более от случайных охотников они узнали, что война уже кончилась, им никто не угрожает. Но начальник Дарган-Хаа и слышать не хотел о возвращении, жестоко расправлялся с теми, кто заводил такие разговоры, видно, много грехов было у него на душе, много пролил невинной крови и чувствовал, что не будет ему прощения там, в далекой Монголии.

От безысходности и тоски в отряде созрел заговор, воины решились на убийство своего командира, невзирая на то, что по «Ясе» Чингис-Хаана за это деяние им всем грозила смертная казнь, но лучше смерть на родине, чем такая постылая жизнь на чужбине. Бросили жребий. Привести в исполнение замысел выпало самому молодому воину. Воин пришел в смятение, задрожали [его] руки от своей [такой] участи, но жребий есть жребий, надо выполнять. И тут вперед выступил один из ветеранов, весь в сабельных рубцах, седой и сказал: «Жизнь моя клонится к закату, во многих [я] был боях, довольно крови вражеской пролил, так что смертью больше или меньше для меня не имеет значения, мне бы только добраться до родной юрты, увидеть лица жены и детей, они большие уже стали, да и жена постарела, ожидая меня из походов. Узнаю ли я их? Весь грех и тяжесть поступка беру на себя, и отвечать по закону буду

один. А ты молодой, у тебя вся жизнь впереди, душа твоя должна быть светла, и не нужно, чтобы тебя всю жизнь мучила совесть, беру твой жребий себе». Воины стояли молча, но в их глазах читалось одобрение и благодарность старому воину.

Сотник тем временем, после сытного обеда, возлежал на еловом лапнике под кедром и, распоясавшись, обнажив грудь, дремал, греясь в лучах солнца. Воин натянул свой тугой изогнутый лук, усиленный пластинами из рогов хангайского архара, прицелился и пустил стрелу с деревянным наконечником (то-мар), которая с глухим стуком вонзилась в Дарган-Хаа прямо в печень. Сотник вскинулся, посмотрел на воинов понимающим взглядом, поняв их в последние мгновенья своей жизни, и умер.

Воины выкопали могилу под тем же кедром, с почестями положили [Дарган-Хаа] в его последнее пристанище, снабдив всем необходимым в поустороннем мире, и напутствовали словами: «Не знаем, куда отправится душа твоя, — то ли ввысь, в царство Курбусту-Хаана, то ли в подземные чертоги Эрлик-Хаана, прости нас, и пусть будет твоя дорога легка». Сделали затес на кедре и написали «Дарган-Хаа» и отправились в свой далекий путь, на юг, в родные кочевья, в неизвестность, но с радостью от предстоящей встречи с родиной.

Отец рассказывал мне, что в молодости на охоте с отцом (моим дедом) он ему показал этот кедр. Дерево было большое, широкое в обхвате, и затес затес весь смолой, но можно было различить вязь старомонгольского письма.

ПОБЕДА ПЛЕМЕН ТУВЫ НАД МОНГОЛАМИ/

...По преданиям, во время начала могущества Монгольской империи во главе с Чингис-Хааном он для покорения народов Саяно-Алтая отправил своего старшего сына Джучи-Хаана в Туву, чтобы привести под свою руку местные лесные племена. Один из монгольских отрядов направился через верховья реки Каа-Хем, по всей видимости, двигаясь через Тере-Холь, современный Кунгуртут, вниз по долине реки Улуг-Шивей, далее через Кызыг-Хем, притоки Каа-Хема. Узнав о продвижении отряда захватчиков, воины местных племен /енисейские кыргызы?/ решили устроить засаду в каньоне реки. Выбрав участок тропы, где всадники могли двигаться [только] след в след, по одному, гуськом, сделали карниз из деревьев, связав арканами, и навалили камней из осыпей.

И вот показался монгольский отряд, растянувшийся длинной вереницей всадников, и когда головной дозор поравнялся с намеченным местом, [кыргызы?] по условному сигналу разом перерезали арканы, удерживающие камни. В тот миг рукотворная лавина смела вражеских воинов с тропы в пучину Каа-Хема, и только один всадник на белом коне перескакал по волнам Каа-Хема на

противоположный берег и ускакал назад, давая названия приметным местам: Бельбей, Сизим, Эржей⁶.

Как говорил отец, до сих пор сохранилась та осыпь и выемка в ней, откуда брали камень для направляемой лавины.

О ВЕРХОВНОМ КАМБЫ-ЛАМА САЛЧАКСКОГО КОЖУУНА ДАРГАН-ХУВУЛГАНЕ /ДАРГАН-ХУУЛГААН/⁷

В Кызыле у парка городского /Парк культуры и отдыха им. Н.Ф. Гастелло/, там, где сейчас стоит новое здание буддийского храма, раньше находилась ставка Верховного Камбы-Лама Салчаков Дарган-Хувулгана (Перерожденца). Воистину свято место пусто не бывает. В то время Салчакский кожуун располагался на большей территории, чем ныне Каа-Хемский. Помимо современных границ, он включал Тере-Холь (Кунгуртуг), правобережье Улуг-Хема (Енисея) вплоть до Баян-Кола, часть Оюннарского (Гандинского) кожууна. А хурее /хүрээ — «монастырь»/ Салчаков находился в местечке Эртине-Булак («Сокровенный родник»), где-то между селом Шамбалыгом (его некоторые связывают с загадочной страной Шамбала) и селом Ильинкой.

По рассказам отца, Дарган-Хувулган совершал разные чудеса, как то: ловил грудью пули, выпущенные в него из ружья, обладал даром предвидения будущего, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что, когда самовозгорались выходы каменного угля в окрестностях Кызыла, в Доге-Баары /Доге-Баары/, он собирал народ и заставлял тушить возгорания, при этом объясняя народу, что этот уголь — топливо людей будущего и потому его надо беречь для потомков.

К сожалению, я не могу больше ничего прибавить к написанному, что-то забыл, юный был, мало обращал внимания. Пишу то, что осталось в памяти.

---

⁶ Не исключено, что сказание перекликается с тувинской легендой «Улуг-Дун» («Великая ночь»), хотя в той рассказывается о противостоянии тувинцев китайским захватчикам. По крайней мере, в литературном переложении легенды, сделанном И.Г. Сафьяновым, встречаются сходные мотивы: «...береговые утесы с шумом рухнули в холодные волны коварной реки... С глухим рокотом падали камни... образуя непроходимые каменные осыпи...» [Сафьянов 2012а: 39].

⁷ Титул Камбы-лама в дореволюционной Туве носили только настоятели Верхнечаданского хүрээ в Даа кожууне. Поэтому рассказ не имеет отношения к тувинскому буддистскому первосвященнику. Вероятно, Дарган-Хуулгаан входил в специфическую группу — «бурхан боо» или «бурхан хам» («Будда-шаман»), представители которой совмещали функции ламы и шамана [Монгуш 1992: 63]. На это указывает его имя, в переводе обозначающее «Кузнец-Перерожденец». Как известно, в Туве кузнецы наряду с шаманами и ламами считались обладателями тайных, сакральных знаний.

О СНЕЖНЫХ ЛЮДЯХ⁸

Отец мне, а ему дед рассказывали об этих загадочных существах, редко встречающихся охотникам во время пушного промысла. Был эпизод встречи охотником двух детенышей, играющих на берегу то ли Улуг-О, то ли Сыынака, на альпийских лугах в высокогорье между Тоджей и Каа-хемским районом. По поверью человек, встретивший эти существа, долго после этого не жил, тяжело заболел и умер.

Также рассказывают, что ночью они приходят к местам ночевки людей около костра и, увидев, что они спят по кругу, уходят искать дерево, согнутое кольцом, с целью придавить их. А пока ходят в поисках подходящего дерева, наступает рассвет, люди уходят, а снежный человек остается ни с чем. Поэтому, как говорят старики, нельзя ложиться в один ряд во время ночевки, он может всех придавить одной лесинкой.

Как говорил отец, по-тувински они называются Кижиг-Бурус /кижи-бүрүс/ или Тайга-Бадахшаны. [Отец] обращал мое внимание на созвучие с Горно-Бадахшанской АО в составе Таджикской ССР.

Также говорят, что в озере Маны-Холь, что в Тоджинской котловине, обитает в глубинах некий зверь, чудовище, похожее на змею с лошадиной головой и гривой. Многие охотники лишились своих верных собак, которые неосторожно приближались к озеру в надежде напиться. Всплеск, удар, короткий визг пса — и только круги по воде. Об этом свидетельствует и название озера Маны-Холь, что в переводе означает... /маңгыс? «Озеро чудовища»/.

БЕЛОЦАРСКИЙ БОЙ. ВЗГЛЯД С МОНГОЛЬСКОЙ СТОРОНЫ⁹

Мой дед был известным в свое время человеком. В составе караванов в качестве телохранителя Салчак-нойона, великолепно владея монгольским

⁸ Среди тувинцев бытуют многочисленные сказания о кижиг-бүрүс («человек-обезьяна», «потаенное существо», «снежный человек»), которые порой наделяются признаками нечистой силы [Кенин-Лопсан 2002: 26–29]. Местом обитания кижиг-бүрүс обычно называются таежные районы Тоджинского и Тере-Хольского кожуунов. В диссертационной работе К.-М.А. Симчита «Лексика шаманизма в тувинском языке» они отнесены к мифологическим существам низшей категории [Симчит 2010].

⁹ Описание боя за г. Белоцарск, произошедшего в августе 1919 г., позволяет иначе взглянуть на самое крупное сражение в Туве за годы Гражданской войны. Командир отряда красных партизан, участник боя А.Д. Кравченко не упоминает ни о какой резне, устроенной монголами (мемуары А.Д. Кравченко частично опубликованы в трехтомной «Истории Тувы») [История... 2007: 105]. А один из основателей Тувинской Народной Республики И.Г. Сафьянов описал эти события менее трагично: «...монголы приехали поздравлять красных героев с блестящей победой, а в это время их солдаты вытаскивали из реки Улуг-Хема трупы погибших во время переправы казаков и их лошадей, снимали оружие, одежду и седла, разоружали убежавших во время сражения вниз по реке белобандитов» [Сафьянов 2012б: 142].

языком, трижды побывал в Пекине (отвозили дань) и много раз в Урге, Улясу-тае и Кобдо. Во время Гражданской войны он был главой сумона (сельская администрация), и люди уважительно звали его Суму-Даргазы (председатель).

И в то время, когда белоказаки под командованием есаула Бологова наступали на Белоцарск (Кызыл), занятый партизанами Щетинкина-Кравченко, из-за хребтов Танну-Уула /Танну-Ола/ прибыл монгольский отряд под предводительством Хатон-Батора Максаржапа /Максаржав/. Тогда белые и красные гадали, к какой же стороне он примкнет. Монголы же предпочли нейтралитет. Так как в то время Салчакский кожуун номинально входил в Монголию и вел промонгольскую политику, так же как и Тоджинский кожуун, то Хатон-Батор пригласил представителей местных властей в свою ставку, которая располагалась в местности Боом, ниже [по течению Енисея] Белоцарска. Одним из них был мой дед.

И вот дед, оседлав коня, отправился в путь и в районе напротив Ондума (горный массив в междуречье) встретил большое количество вооруженных людей с красными полосками на шапках. Остановил коня, узнать новости, кто такие и куда направляются. По обычаю в то время разговор не обходился без перекура, обмена трубками. Дед достал свою кизилковую трубку с богатой серебряной инкрустацией (она ему обошлась в целую стельную корову) и начал набивать ее *дунзе* — китайским табаком — в ожидании знакомства и приятного разговора. Тут к деду подъехал один из партизан, взял его трубку, внимательно осмотрел ее и сунул за пазуху, немного помедлив, вытащил из кармана пачку табака и вложил ее в руки деду. Вот так состоялось знакомство и первая встреча деда с красными партизанами. Не в его пользу. Что поделаешь, протестовать не будешь, а то пристрелят. Дальше дед продолжил свой путь без приключений, прибыл в ставку монгольского военачальника и доложил.

Как я писал выше, монголы держали нейтралитет, надеялись, когда белые и красные ослабнут в бою, всех их перебить. Бой начался, и монголы начали [стали] наблюдать за его исходом с вершины Боома. В отряде находился шаман, он начал свое камлание, чтобы узнать у духов, на чьей стороне будет победа. И вот, в изнеможении упав на землю, шаман приподнялся и, выпив пиалу кумыса, глубокомысленно изрек: «Как красная заря поднимется на востоке, побеждая ночную мглу, так и красные победят». Хотя к этому времени и без всяких духов было ясно, что побеждают красные. Вскоре дед заметил оживление в стане монголов, многие заспешили вниз к Улуг-Хему и дороге, ведущей из Белоцарска в западные кожууны, появилось оружие, разная рухлядь, одежда, которой монголы начали обмениваться и торговать между собой. Заинтригованный дед пошел в том направлении узнать, что же там такое происходит. И увидел убегающих по дороге и уплывающих вниз по реке казаков, которые, увидев монгольских цириков, обрадованно поднимали руки, радуясь, что избежали красной пули. Но они тут же получали свою смерть, их прикалывали

штыками и снимали всю одежду. Деду стало страшно при виде этой резни, и он поспешил уйти оттуда.

Монголам, как известно из истории, пришлось поприветствовать победителей и уйти восвояси, так как их надежды не оправдались, красные, понеся в бою незначительные потери, остались грозным противником. Монголы побоялись иметь с ними дело. Деда, как и всех остальных представителей, отравили по домам, и он до самой смерти рассказывал об этом событии.

Эта неизвестная страница о Белоцарском бое — своеобразный взгляд со стороны не участвовавшего в этом сражении наблюдателя.

ПЕРЕВАЛ КАЛДАК-ХАМАР ПОСЛЕ ПОКУШЕНИЯ НА АМБЫН-НОЙОНА АГБААН-ДЕМЧИ

Все то, о чем буду писать, происходило в вечер после покушения на перевале Калдак-Хамар на амбын-нойона Агбаан-Демчи, проводившего пророссийскую политику в Танну-Туве. В этот вечер дед по делам службы направлялся в Самагалтай в ставку Верховного правителя Тувы. Как я писал ранее, он (дед) был председателем сумона Суму-Даргазы. Ехал он с другом — даргой /начальник/ другого сумона. Уже стемнело, и они решили заночевать, и по случайности это было недалеко от места засады.

Дед с приятелем уже знали о случившемся по степному телеграфу «Узун-Кулак», и так как они были отличными охотниками и следопытами, решили обследовать место происшествия. Они полностью воссоздали картину преступления: нашли место стрелка, где стояла лошадь, как ехали амбын-нойон и его охрана, состоявшая из русских казаков. По мелким деталям, обнаруженным на месте, по сгусткам крови, по тряпкам, которыми пытались, видимо, остановить кровь, по осколкам дерева от луки седла они пришли к выводу: стрелок сделал один выстрел и сразу же скрылся, а пуля, попав в переднюю луку седла, ранила амбын-нойона в область паха и, разбив заднюю луку, улетела. Нойон был тяжело ранен, и охрана пыталась всячески остановить кровотечение. Они (дед с другом) еще пошутили меж собой: вот, мол, затычки, которыми нойон затыкал раны. И по следам было видно, что всадники повезли нойона назад, в Самагалтай, сделав носилки на две лошади.

Пока они обследовали место, внезапно их окружили появившиеся всадники и с криками: «Вот они, убийцы» связали и повезли в ставку амбын-нойона. По пути их били и требовали, чтобы они назвали главарей заговора. По приезде в ставку они [всадники] с радостью сообщили амбын-нойону, что стрелявшие в него задержаны. Но нойон, увидев и опросив их, приказал отпустить их со словами: «Вы не тех поймали, это просто служивые люди и едут по государственным делам, отпустите их, они тут ни при чем». Так благодаря нойону дед с другом избавились от встречи с палачом и девятью пытками, которым должны были их подвергнуть с целью получить признание.

И все так и оказалось, был один выстрел, нойон был ранен в пах. Кровотечение не удавалось остановить, ламы из хурее были бессильны, сразу же были отправлены гонцы в Усинск за русским врачом, но и он ничем не смог помочь, нойон умер от большой потери крови¹⁰.

Это был единственный случай в Танну-Туве покушения на Верховного правителя.

Вот так рассказывал дед об этом случае отцу, а отец — мне.

Хочется надеяться, что публикация этих рассказов не только привлечет внимание собирателей и исследователей фольклора тувинцев, но и будет полезна этнографам, историкам и всем интересующимся прошлым Тувы.

Библиография

- История Тувы: в 3 т. Новосибирск, 2007. Т. П.
Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. Кызыл, 2002.
Мифы, легенды, предания тувинцев. Новосибирск, 2010.
Монгуш М.В. Ламаизм в Туве: Историко-этнографическое исследование. Кызыл, 1992.
Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2 т. М., 2012а. Т. 1.
Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2 т. М., 2012б. Т. 2.
Симчит К.-М.А. Лексика шаманизма в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.tuva.asia/lib/books_tuva/1396-simchit.html
Черкасова-Тонгак И. Встреча без галстуков // Ежегод. газета «Центр Азии». 2014. 5 апр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://centerasia.dem.ru/news>

---

¹⁰ До сих пор не установлено, кем в июле 1916 г. было организовано убийство ставленника Российской империи Агбана-Демчи. Слишком многим политическим группировкам его смерть была выгодна. Проводя курс на сближение Тувы с царской Россией, Агбан-Демчи мешал смещенному русским руководством амбын-нойону Комбу-Доржу, промонгольски настроенному тувинскому чиновничеству, беднейшему населению, проникнутому идеями революции. В «Истории Тувы» утверждается, что покушение было подготовлено по указанию Комбу-Доржу [История... 2007: 36]. Однако, опираясь на свидетельство И.Г. Сафьянова, можно предположить, что в этом сыграла роль иная сила. В его недавно опубликованной рукописи сказано: «Группа тувинских революционеров во главе с Ойдупом и Шокар-Мунгэ убила ставленника комиссара Григорьева, его личного друга, управляющего Ойнарским хошуном (округом) Агвана-Демичи, которого он готовил на пост верховного правителя Танну-Тувы. Это был вызов Григорьеву» [Сафьянов 2012б: 97].